

Аннотация

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка худ. А. Шпир. — Три года на о. Врангеля. Очерк Г. А. Ушакова. — Степь пробуждается. Рассказ Михаила Ковлева. — Охотники за пшеницей. Биографические рассказы Поля Крюи. — Погоня за куном. Рассказ Петра Ширяева. — На заводской трубе. Рассказ М. К. — Как это было: В гостях у обезьян. Очерк Ал. Смирнова Сибирского. — Длинноносы. Рассказ-быль В. Сытина. — Смерть лихого. Рассказ-быль В. Савина. — Крысиный царь. Рассказ-быль К. Алтайского. — Из великой книги природы. — Очаги социалистического строительства СССР. Турксиб. — Объявления.

Что нужно знать подписчикам

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“

О ЖУРНАЛАХ.

„Всемирный Следопыт“

И

„Вокруг Света“

Для ускорения ответа на Ваше письмо в Издательство „Земля и Фабрика“ каждый вопрос (о высылке журналов, о книгах и по редакционным делам) пишите на отдельном листке. О перемене адреса извещайте контору заблаговременно. В случае невозможности этого, перед отъездом сообщите о перемене места жительства в свое почтовое отделение и одновременно напишите в контору журнала, указав подробно свой прежний и новый адреса и приложив к письму на 20 коп. почтовых марок (за перемену адреса).

1. Так как журналы Изд-ва экспедируются помимо самого Изд-ва еще и другими организациями, принимающими подписку, подписчикам в случае неполучения тех или иных номеров следует обращаться в Изд-во лишь в том случае, если они подписались непосредственно в Изд-ве или в его отделениях. Эти подписчики получают издания в бандероли с наклейкой личного адреса.

Подписчики, получающие издания без адресных ярлыков, получают издания не от Издательства непосредственно, и Изд-во они не знают. Этим подписчикам при неполучении изданий следует обращаться по месту сдачи подписки.

2. О неполучении отдельных номеров необходимо сообщить немедленно (не позднее получения следующего номера), в противном случае Изд-во высылать издания по жлобе не сможет.

3. При высылке денег следует точно указать: на какой журнал посланы деньги, по какому абонементу, на какой срок, а при подписке в рассрочку указывать: „Долгаты“.

4. При всех обращениях в Издательство, как-то: при высылке долгаты, о неполучении отдельных номеров, перемене адреса и т. п., прилагать адресный ярлык, по которому получается журнал.

ПРИЕМ В РЕДАКЦИИ:

Понедельник, среда, пятница — с 2 ч. до 5 ч.

Непринятые рукописи, как правило, редакцией не возвращаются; просьба к авторам оставлять у себя копии. Рукописи должны быть четко переписаны, по возможности на пишущей машинке. Вступать в переписку по поводу отклоненных рукописей редакция не имеет возможности.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ЖУРНАЛЕ:

1 страница — 400 руб.,
1 строка — 1 руб. 50 коп.

БЕРЕГИТЕ СВОЕ И ЧУЖОЕ ВРЕМЯ! Все письма в контору пишите возможно более кратко и ясно, избегая ненужных подробностей. Это значительно облегчит работу конторы и ускорит рассмотрение заявлений, жалоб и т. д.

АДРЕС

Редакции Конторы

„ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“

Москва, Центр,
Никольская, 10. Тел. 64-87

Москва, Центр.
Никольская, 10. Тел. 47-09,
2-24-63

Главный № А-61249

Тираж 125,000 экз.

Типография газ. „ПРАВДА“, Москва, Тверская, 48.

Три года на о. Врангеля.
Очерк Г. А. Ушакова.

Очерк Г. А. Ушакова

I. Первые известия.

9 марта 1823 г. русский путешественник Ф. П. Врангель, сидя в дымной палатке на мысе Шелагском, угощал своего нового знакомого. Это был один из чукотских камакаев-старшин. Камакай оказался хорошим знатоком своего края и на вопрос Врангеля не существует ли какая-нибудь земля на море к северу от чукотских берегов, — ответил следующее:

«Между мысом Ерри (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным) близ устья одной речки, с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимою однако их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно оттуда, большие стада оленей, но, преследуемые и истребляемые чукчами и волками, теперь они не показываются».

По мнению камака, виденные с берегов горы находились не на острове, а на такой же просторной земле, как и его родина.

Так Ф. Врангелем были получены первые сведения об острове, который впоследствии получил его имя. Однако отважному путешественнику посетить или увидеть таинственную землю не удалось. Его героические попытки пробраться к острову по льду не увенчались успехом. Преодолев невероятные трудности при продвижении вблизи азиатского берега, он дальше встречал или движущийся лед или открытую воду. Несмотря на это, Врангель на приложенную к отчету о своей экспедиции карту нанес указываемую чукчами землю с горами к северу от мыса Якая. В действительном существовании ее он не сомневался.

Это дало последующим путешественникам возможность опознать землю и закрепить за ней имя Врангеля.

Впервые имя Врангеля острову было присвоено английским капитаном Лонгом, увидевшим остров с юга, с китобойного судна «Нил», летом 1867 г.

Только 58 лет спустя после попыток Врангеля достичь острова к берегам его подхо-

первые корабли и высаживаются первые люди. Это были американцы на судах «Корвин» и «Роджерс». В поисках погибшей «Жанетты», пользуясь благоприятным состоянием льдов они подходят к острову. Первый из них задерживается у острова всего лишь несколько часов и ограничивается поднятием флага Соединенных Штатов. Вторым судном был «Роджерс» под командой капитана Берри. «Роджерс» простоял здесь девятнадцать дней. За это время экипажем была проделана большая работа. Остров был осмотрен вокруг, результатом чего явилась довольно подробная карта его. Были собраны некоторые коллекции по флоре и фауне, а также образцы горных пород.

Капитан Берри, признавая заслуги Врангеля, окончательно закрепил за островом его имя.

В последующие 30 лет остров никем не посещался и никого не интересовал. И лишь в 1916 году к его берегам подходит русский ледокол «Вайгач». В юго-западной части острова («Вайгача») была высажена береговая партия, которая произвела здесь машинные наблюдения, определила астрономический пункт и своими топографическими работами внесла изменения в карту Берри.

В 1916 г., по окончании работ гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, в которую входили ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», царское правительство уведомляя нотой иностранные державы о включении в территорию России новооткрытых земель, отмечает свои права и на ряд других островов, лежащих против северных берегов Азии. Среди них упоминается и остров Врангеля. Ни одна страна против этого не возражает. Со времени появления острова на картах, где бы последние ни издавались, он всегда окрашивался цветом России.

II. Красный флаг над «владением короля Георга».

Но царское правительство не принимает никаких мер к фактическому осуществлению своих прав на остров. Такое невнимание к острову ведет к тому, что при первом же стечении благоприятных обстоятельств предпринимаются попытки отчуждения его от территории России.

Эти попытки связаны с именем известного полярного путешественника В. Стефансона. История их такова. Воспользовавшись тяжелым положением Советской России в период гражданской войны и опираясь на временное пребывание в 1914 году на острове членом экипажа «Карлука», судна Канадской полярной экспедиции, погибшего во льдах севернее о. Врангеля, Стефансон заявляет права Англии на о. Врангеля. Он посылает на остров оккупационный отряд в составе пяти человек под руководством канадца А. Крауфорда. Первым шагом этого отряда на остров было поднятие британского флага и объявление острова «новым владением короля Георга». Однако оккупанты, говоря между собой, ясно сознают всю шаткость своих «прав» на остров. Так, например, руководитель отряда Крауфорд в письме, отправленном Стефансону с о. Врангеля, пишет: «...Мы спокойны относительно нашей работы здесь, хотя повидимому русские думают, что они владеют островом и их сибирские власти способны нанести нам нежеланный визит».

Судьба отряда Крауфорда была трагической. Недостача продуктов и неудовлетворительное снаряжение повели к гибели всего отряда, за исключением одной эскимоски-поварихи.

Но полярные исследователи настойчивы. А настойчивость Стефансона сказалась даже и в попытках оккупировать остров. В 1923 г. он снаряжает новый отряд и посылает его на остров.

Советское правительство, получив сведения об оккупации острова и использовав неприведшие к положительным результатам все возможности дипломатической переписки снарядило в 1924 г. на остров экспедицию на ледокольном судне «Красный Октябрь». Экспедиция под командой Б. В. Давыдова вышла из Владивостока 20 июля и 19 августа достигла о. Врангеля. Экспедиция подняла на острове советский флаг, проделала

некоторые научные работы, сняла всех людей и доставила их во Владивосток. Так была ликвидирована попытка отчуждения о. Врангеля.

III. Чем заинтересовал Стефансона остров Врангеля.

Чем же замечателен о. Врангеля? Почему канадцы проявили такую настойчивость в попытках захватить его?

Остров лежит между 71° и 72° северной широты и под 180° западной долготы, почти в 200 километрах к северу от берегов Чукотского полуострова.

Площадь острова — семь тысяч квадратных километров. Почти две трети этой площади занимают горы. Они вытянулись двумя грядами в широтном направлении вдоль всего острова. Некоторые из их вершин достигают высоты 3000 футов над уровнем моря. Эти горы, как и весь остров, состоят из мощных складок темных глинистых сланцев. Сланцы часто прорезываются жилами изверженных пород — порфиров и гранитов. Мощность жил не везде одинакова. Иногда жилу еле замечает глаз, а в других местах, как например на северо-восточной оконечности острова, изверженные породы образуют грандиозные скалы до 300 футов высотой. Основные породы покрыты тонким слоем темной глины (продуктом выветривания глинистых сланцев), составляющей почвенный покров. В горах, особенно на их склонах, почвенный покров почти отсутствует. Здесь господствуют каменистые россыпи образовавшиеся из обломков скал, трескающихся от морозов.

Климат здесь суров. Зима тянется девять месяцев. Из них два месяца падают на полярную ночь, когда солнце не поднимается из-за горизонта. Морозы в середине зимы достигают 60° по Цельсию. Страшные метели свирепствуют в продолжение всей зимы. Эти метели страшнее для человека, чем самые жестокие морозы. Они часто делают невозможным какое бы то ни было передвижение по острову. А если принять во внимание что они начинаются в конце сентября и продолжаются до десятых чисел мая, то станет понятна их роль в жизни человека на острове. Иногда метель продолжается до 8–9 суток без перерыва. Горе охотнику, если такая метель захватит его в пути.

Г. А. Ушаков б. начальник о. Врангеля.

Теплый летний период года здесь очень непродолжителен, и едва ли бы житель средних широт согласился признать этот период за лето. В обычный день летом температура держится на 4–5 градусах тепла, а день, когда температура поднимается до 6–8 градусов считается очень теплым. Весьма редко температура достигает 10–12 градусов, и тогда неизбалованный теплом колонист считает такие дни жаркими. Такое повышение температуры является менее обычным, чем падение ее в летний период до -7 и даже до -8 градусов.

Таким же обычным явлением в летний период являются туманы. Льды почти круглый год окружают остров, нагромождаясь в огромные ледяные горы-торосы. Только в августе и сентябре льды ломаются, разрежаются и делают возможным подход к острову.

В прямой зависимости от климатических условий находится и растительный мир острова. Из лесных пород на острове нет ни одной. Единственным представителем кустарниковых является жалкая полярная ива. Но и она в большинстве случаев стелется вплотную к земле. Только как исключение в глубоких горных падах, защищенных от ветров, можно встретить небольшие лужайки ивы, достигающей колен человека.

Кроме ивы на острове произрастает из цветковых свыше сотни видов, а из споровых широко распространены мхи и лишайники. Однако сплошного растительного покрова здесь не найти. Растительность располагается миниатюрными лужайками и даже пучками в углублениях почвы, трещинах, ручейках и т. д.

Животный мир на острове не отличается богатством видов, но зато часто поражает количеством особей.

Из насекомых здесь имеется около тридцати видов. Это бабочки, шмели, поденки, жуки муравьи, пауки и мухи. Хотя редко, но встречаются и комары.

Летом особенно оживляют остров птицы. Их прилетает сюда около тридцати видов. Уже в десятых числах апреля, когда еще стоят сильные морозы, появляется вестница весны — пуночка. В конце месяца прилетают кайры, а в конце мая воздух начинает оглашаться разноголосым птичьим концертом. В это время прилетают чайки, гуси, гаги, полярные совы, морские кулички, бакланы, гагары и т. д. Особенно многочисленны гуси, кайры и чайки. В период гнездования они собираются огромными массами. Кайры, бакланы и чайки гнездятся исключительно на скалах, образуя так называемые «птичьи базары». По побережьям острова встречаются грандиозные скалы, сплошь усеянные в летний период птичьими гнездами. В течение всего лета здесь стоит несмолкаемый шум от крика птиц и хлопанья их крыльев.

Из млекопитающих на острове в большом количестве имеются полярные мыши, белый песец и белый медведь, хотя последнего вернее будет отнести к обитателям прибрежных полярных льдов.

В водах, омывающих остров, из морских животных водятся моржи, тюлени и белухи. Особенно обращает на себя внимание огромное количество моржей, собирающихся вокруг острова в летний период. Здесь можно одновременно наблюдать десятки и даже сотни плывущих льдин, покрытых тушами отдыхающих моржей. Часто бывают случаи, когда охотники возвращаются с моря с пустыми руками не потому, что нет зверя, а потому, что его слишком много, и охотники, наученные горьким опытом, не решаются нападать на зверя.

Обилие зверя и привлекало в первую очередь внимание оккупантов.

Но это не единственная причина «внимания» их к острову. Благодаря своему географическому положению, о. Врангеля в последние годы приобрел еще одно важное значение. В связи с непрестанно растущими успехами авиации и воздухоплавания с каждым днем все более и более укрепляется идея воздушных путей, которые в недалеком будущем пересекая высокие широты, должны связать Европу с Америкой и Дальним Востоком. Остров Врангеля, лежащий на линии этих путей, должен стать авиабазой, хозяин которой получит большие выгоды.

Это значение острова прекрасно учитывалось Стефансоном, и он при захвате, пытаясь доказать права Англии на него и необходимость включения его во «владения короля Георга», говорит:

«Фалькландские острова лежат у самых берегов Аргентины, но в то же время находятся во владении Англии. Эти острова в мирное время были необходимы для усиления коммерческой мощи империи, а в военное должны служить базой для крейсеров. Нам нужно чтобы остров Врангеля принадлежал Великобритании как территория для развития ее воздушных сил — дирижаблей и аэропланов, как Фалькландские острова служат нашим крейсерам и шхунам».

Так думал Стефансон. Но в своих расчетах он недостаточно уяснил себе то положение, что о. Врангеля лежит не у берегов Аргентины, а у берегов Советского Союза. Это положение повело к тому, что второй отряд, посланный им на остров в 1923 г., летом следующего года в результате экспедиции «Красного Октября», оказался во Владивостоке.

IV. Советская колония на о. Врангеля.

Ликвидировав попытку отчуждения острова, советское правительство поставило вопрос о колонизации, фактическом закреплении его за Советским Союзом.

В 1926 г. мне было поручено снарядить колонизационную экспедицию на остров Врангеля и руководить первой советской колонией, на которую возлагалась почетная задача закрепления острова за Советским Союзом.

Нас было немного. Моими сотрудниками были врач Н. П. Савенко и опытный полярник учитель И. М. Павлов. Этим и ограничивался состав сотрудников экспедиции. Наши жены, согласившиеся разделить с нами всю тягость жизни за полярным кругом, были первыми

европейскими женщинами на о. Врангеля. Два русских промышленника, из которых один был с женой и дочерью, дополняли состав русской группы колонии.

Остальную часть колонии составляли девять семей эскимосов, взятых мною с Чукотского полуострова. Слухи о богатстве зверя на острове, дошедшие до них, привлекли их внимание и они недолго колебались перед тем как бросить насиженные места в бухте Провидения и на мысе Чаплино. Их было 51 человек, включая женщин и детей.

1926 год был необычайно благоприятным по состоянию льдов, и уже 8 августа мы вошли в бухту Роджерс на южном берегу острова. Здесь мы образовали нашу главную базу.

Угрюмо встретил нас остров. Его суровый вид, плохая слава, безжизненность и могилы погибших оккупантов наводили на тяжелые мысли. Пароход «Ставрополь», завезший нас на остров, выгрузив продукты и снаряжение, 15 августа 1926 г. покинул о. Врангеля. С этого дня всякая связь с материком была утеряна. В течение трех лет только один раз нас навестили гидропланы. Все эти три года мы были предоставлены самим себе и могли рассчитывать только на свои силы. Жуткие морозы, непрерывные метели и двухмесячная полярная ночь зимой, туманы летом и льды круглый год — вот условия, в которых мы жили, работали и боролись. Это были три года борьбы за жизнь, за существование колонии на острове. Мы вышли победителями из этой борьбы. Минувшие три года оставили неизгладимый след в жизни каждого участника экспедиции.

Ряд неповторяемых по красоте картин полярной природы навсегда останется в памяти и снова и снова будет манить в арктику.

Дом колонии на о. Врангеля летом.

Полное незнакомство с необитаемым до нас островом, с его природой и условиями жизни сделали первый год существования колонии самым тяжелым. Постройка жилищ и склада для продуктов и снаряжения заняла первый месяц нашего пребывания на острове. Это была первой нашей заботой.

Второй не менее важной заботой была заготовка мяса. Колония, имевшая свыше сотни собак и состоящая преимущественно из эскимосов, без мяса обрекалась на гибель. Поэтому

все силы были брошены на охоту. Но было уже поздно. Главный сезон охоты на моржей длится в районе острова с половины июля до двадцатых чисел августа. С половины августа льды начинают отодвигаться от острова, а вместе с ними отходит и морж, который преимущественно держится у кромки льдов. Так и случилось в 1926 г. Льды скрылись за горизонт, и морж исчез. Лишь изредка подносило к острову небольшие массы льдов, и мы пользовались каждым таким случаем для того, чтобы добыть тушу-другую. Не один раз приходилось рисковать жизнью, чтобы хоть сколько-нибудь обеспечить колонию моржовым мясом на долгую полярную зиму.

V. Охота за моржами.

Северо-восточный ветер густой массой гонит лед вдоль берега. В миле от берега я замечаю льдину с небольшим стадом моржей. Эскимосы тоже видят моржей, но на этот раз они не бегут стремглав к лодкам, а, сбившись в кучу, угрюмо рассматривают море. Они сегодня не манят охотников. Резкий ветер поднял на свободных пространствах воды крупную волну. То-и-дело доносится треск ломающихся льдин. Заметно меняется их расположение. Где пять минут назад была свободная вода — теперь плотная масса льдин. А еще через пять минут новая картина. Вот почему эскимосы, всегда готовые броситься на моржей, теперь не двигаются с места.

Нужна решительность, а ее частенько нехватает эскимосам. Надежда на одного Иерока. Он энергичный охотник и пользуется славой лучшего рулевого на всем Чукотском побережье. Я отзываю его в сторону.

- Иерок. У нас нет мяса,
- Да, начальник, у нас нет мяса, — соглашается Иерок.
- Надо ехать.
- Да, надо ехать.
- Почему же никто не двигается?
- Видишь, как быстро гонит лед. Какой плохой ветер. Они боятся.
- Но зима без мяса еще страшнее.
- Да, начальник, ты прав. Без мяса зима страшна.
- А ты поедешь?
- С тобой поеду. А если мы скажем — надо ехать, они тоже поедут.

Мы берем оружие и, ни слова не говоря, идем к вельботу. Павлов, слышавший наш разговор, идет вслед за нами. А за ним к нам присоединяется еще пять эскимосов.

Вельбот, подхваченный попутным ветром, под умелой рукой Иерока на полном ходу огибает огромные льдины и, как змея, проскальзывает в узких щелях между ними. Вокруг нас грохот. Приходится кричать, чтобы сосед услышал твои слова. Льдины то-и-дело сталкиваются друг с другом. Часто их столкновение настолько сильно, что они разлетаются на куски. Одна из них, похожая на, гриб, словно обиженная нашим невниманием, с шумом переворачивается позади проскользнувшего вельбота. Несколько мгновений мы наблюдаем на ее месте огромную бурлящую воронку. Потом появляется высокий ледяной столб, но он недолго задерживается и скоро с треском падает набок, обдавая нас тучей брызг.

Моржи почти у самой кромки льда. Позади их видны пенящиеся гребни волн. Чем ближе мы к ним, тем больше шум, сильнее волнение и быстрее движение льда — больше опасность.

Но нам нужно мясо. Его надо вырвать у грохочущих льдин и пенящихся волн. Иероком овладело вдохновение. Резкий холодный ветер его мало беспокоит. Без рукавиц и без шапки с развевающимися волосами, он словно прирос к рулю. Каждое движение, малейший поворот руля у него точны. Мы часто пролетаем в такие щели, где вельбот обоими бортами чуть не чертит о соседние льдины...

Но вот и моржи. Льдину сильно качает, и звери не спят. Они уйдут после первого же выстрела. Надо убить сразу. Делаем залп, и два огромных самца остаются нам в награду за

риск.

Но это еще не все. Мы находимся в трех милях от колонии и в полутора от берега. Путь обратно в колонию закрыт уплотнившимся льдом, и пытаться пройти туда — бесполезно. Решили пробиваться прямо к берегу. Свежевать моржей нет времени. Пришвартовываем и к бортам вельбота. Мы окружены густым льдом. Парусом пользоваться нельзя.

Приходится двигаться вместе со льдом и, только пользуясь небольшими прогалинами, продвигаться к берегу. Каждый шаг с боем. Всем нам ясно наше положение, и поэтому каждый делает все возможное. Время от времени нам удается раздвинуть две соседние льдины и продвинуться на несколько десятков метров к берегу. Вельбот часто сжимается двумя льдинами, и мы с замиранием сердца ждем, что вот-вот он треснет как орех. Но пришвартованные к бортам туши моржей спасают нас. Они действуют как хорошие буфера.

Несколько часов упорной борьбы — и мы уже недалеко от берега.

Вдруг вельбот застревает между двумя льдинами. Раздается треск... К счастью лопнула только верхняя доска...

В конце концов вельбот упирается носом в берег, и мы с облегчением вздыхаем.

Голодные, измученные борьбой со льдом, сидим на твердой земле и посматриваем на нашу добычу. Эти две моржовых туши могли стоять жизни восьми человек. Но недостаток мяса зимой поведет к еще большим жертвам. Поэтому мы должны пользоваться каждой возможностью. Должны рисковать.

Но иногда ни риск, ни настойчивость не помогали. Льды держались далеко от острова, и моржа не было. Мрачно мы смотрели тогда на море. Оно было чисто и безжизненно. Лишь время от времени ветер доносил до нас еле уловимый рев моржей. Но они были за горизонтом, куда мы не рисковали выйти на наших жалких байдарках и полусгнивших вельботах. То, что случайно добывалось на открытой воде, мы съедали. Близилась зима долгая, темная, суровая. Мало она обещала хорошего. Мы знали, что зимой мяса не добудешь. В надежде, что нам посчастливится в другом месте, я перебросил однажды троих охотников в бухту Сомнительную, лежащую в тридцати с лишним километрах к западу от бухты Роджерс, где была наша главная база. Переправляя их с семьями с нашей главной базы, я тогда немало беспокоился, так как терял их из виду и не мог ни следить за их благополучием, ни прийти во-время на помощь, если бы она понадобилась. А теперь рад тому, что решился тогда на этот шаг. В Сомнительной нам неожиданно улыбнулось счастье. Здесь оказалось лежище моржей, и звери вышли на берег в огромном количестве. Охотники убили тридцать моржей.

Мы облегченно вздохнули. Но наша потребность выражалась в 75–80 моржовых тушах, а мы имели всего с прежним запасом 33. С этим запасом мы и вошли в первую зимовку.

Дом колонии на о. Врангеля в конце зимы.

4 октября ударила первая метель, и через два дня установился санный путь. Мы начали поездки по острову. Некоторую надежду на пополнение наших запасов мяса давала медвежья охота. Но надежда так и осталась надеждой. Льды с северной стороны острова где было наибольшее средоточие медведя, были все время в движении. Это означало, что мы не могли там охотиться ни на собаках, ни на байдаре, ни пешком. Бывали дни, когда мы видели до десяти медведей сразу, но все они оставались для нас недостижимыми на густо движущемся льду, свободные пространства воды в котором были заполнены ледяной кашей. Не вытерпев, мы часто бросались на лед, но, приняв несколько холодных ванн, возвращались на берег. Скрипели зубами, ругались. Но это не помогало. Медвежатина и золотистые шкуры оставались на льду.

VI. За медвежатиной и золотистыми шкурами.

Однажды мы пересекли остров и разбили бивак на северной его стороне. Ночью в 200 метрах от нашей палатки прошел медведь. Рассмотрев его огромные свежие следы, мы решили посвятить весь день охоте. Всякий охотник поймет, что другого решения принять было нельзя: мы нуждались в мясе. Направив двух своих спутников в одну сторону, я вместе с эскимосом Таяной пошел в другую.

Мы уже мысленно смаковали свежую медвежатину и поглаживали и оценивали золотисто-белые шкуры. Грех вполне простительный. Кто же выходит на охоту, заранее не взвешивая своей добычи. Ну, мы и прикинули добычу на вес, попробовали на вкус, перевели на цифры и... пошли искать медведей.

Уже через полчаса наткнулись на свежий след. Медведь долго шел вдоль берега, но потом круто повернул в море. Посоветовавшись, пошли за ним. Таяна заботливо предупредил меня чтобы я не ступал на след медведя, а то «он узнает, что мы идем за ним, и уйдет». Я не стал перечить эскимосу. Но и эта «предосторожность» не помогла. Через десять минут мы

подошли к большой перемычке из только-что образовавшегося льда. Он был еще темный и легко пробивался палкой. След медведя часто прерывался небольшими полыньями. Лед не выдерживал тяжести зверя, и он то-и-дело проваливался. С утра дул теплый восточный ветер, и теперь молодой лед еще больше размяк. С грустью проследили мы на сколько хватал взгляд след зверя и молча повернули обратно.

И так три раза!

Стоило нам направиться по следу, как уже через десять-пятнадцать минут нас останавливала полоса молодого льда или открытая полынья. Разочарованные, уставшие мы сидели на берегу и, молча посасывая трубки, смотрели на лед.

Вдруг я заметил, как одна из льдин изменила свою форму. Вглядевшись, я увидел у ее подножья бледно-желтое пятно. Скоро это пятно вытянулось и поднялось рядом со льдиной.

— Медведь! — крикнул я, хватаясь за бинокль. — Два... три... — дополнял я шопотом хотя звери были от нас на расстоянии метров пятисот.

Это была медведица с двумя пестунами. Сама она стояла на задних лапах и обнюхивала высокую торосистую льдину.

Стрелять было далеко, и мы, сунув в карманы горящие трубки и подхватив винчестеры бросились к зверям.

Через пять минут я уже по плечи окунулся в холодную воду и тщетно пытался достать ногами дно. Быстрое течение тянуло под лед, и я с трудом боролся с ним. Таяна помог мне выбраться из «ванны», но через пятнадцать метров от него самого над поверхностью льда осталась одна голова. Однако он успел выхватить свой нож и, по рукоятку воткнув его в лед легко держался, пока я не подоспел на помощь. Вытащив его из воды, я тут же вновь провалился сам...

В течение каких-нибудь двадцати минут я успел принять пять ванн, а Таяна четыре. Наши меховые одежды совершенно промокли и так увеличались в весе, что молодой лед совершенно отказывался нас держать. А старые крепкие льдины, как назло, попадались очень редко.

Но в полукилометре от нас до полтонны мяса и три пушистые шкуры! Все это наше Бросить? Да это же самая необоснованная расточительность. Будь не знаком нам охотничий азарт — тогда другое дело. Нет, оставить было невозможно. Мяса! Мяса! Гарпунный ремень лихорадочно опоясывает мою талию, и я, без слов поняв намерение Таяны, ложусь на лед и ползу к старой, крепкой льдине. Укрепившись на ней, я перетягиваю Таяну, привязанного к другому концу ремня. При таком способе передвижения мы захватываем во много раз большую площадь и избавляемся от ванн. Медленно, но верно.

Звери заметили разыгрываемую нами пантомиму, но наблюдать ее ближе не желали. Они зашли с подветренной стороны, забрались на высокую льдину и, вытянувшись на задних лапах, в течение нескольких минут ловили носом ветерок, дувший с нашей стороны. Потом они не спеша пошли в море. А нам осталось только вернуться на берег и выжимать воду из своих одежд.

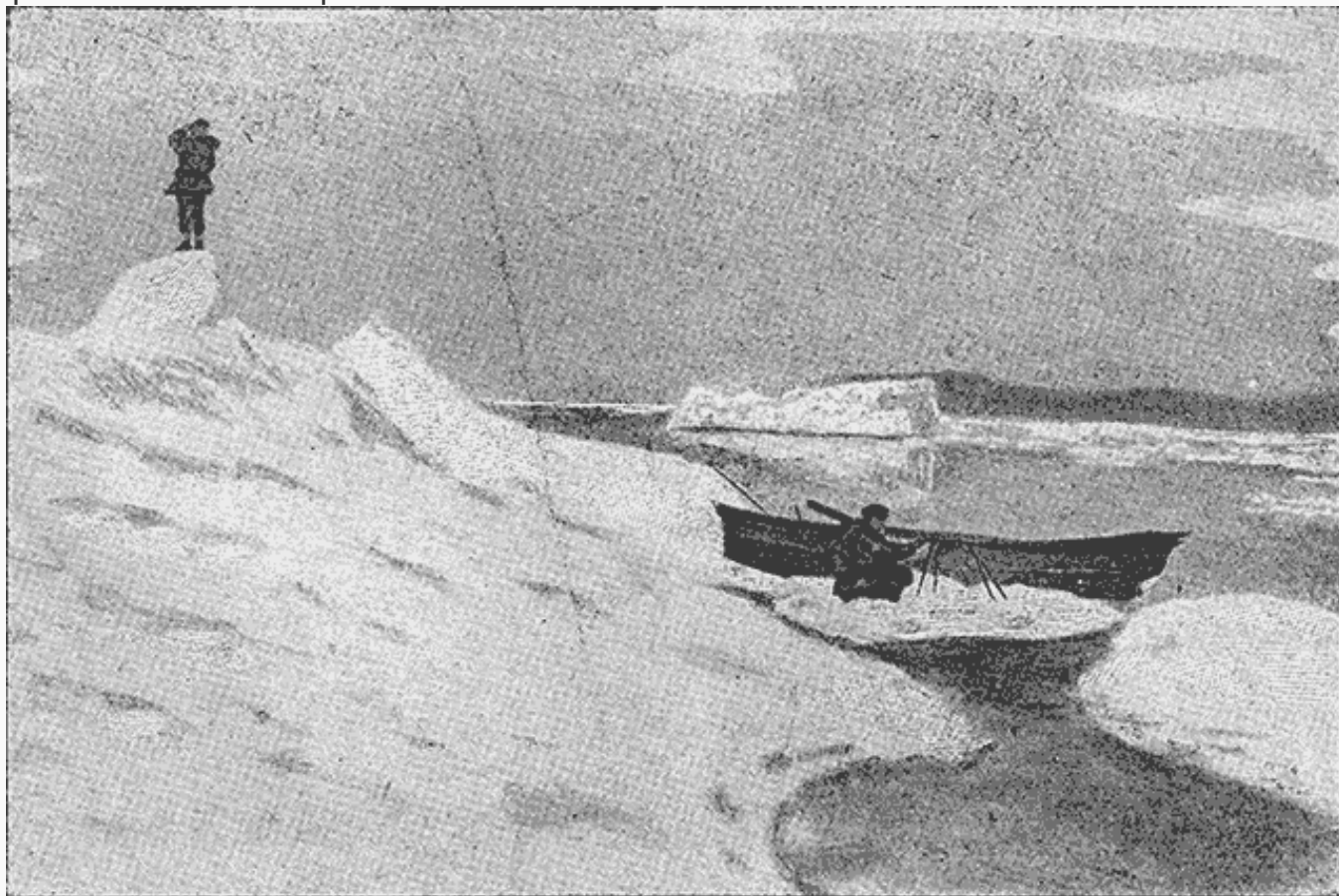
Уже ночью, измученные, мы с трудом добрались до бивака. Наши одежды превратились в ледяные панцири и при резких движениях ломались. Все тело ныло от мучительной боли.

VII. Первая жертва.

Солнце с каждым днем все меньше и меньше задерживалось над горизонтом. 23 ноября показался только верхний край диска. Все небо горело. Вода казалась черной вороненой сталью. Снег переливался розовыми, оранжевыми, синими и фиолетовыми цветами. Так торжественно природа прощалась с солнцем. На следующий день мы солнца уже не видели. Скоро поблекли все краски. Весь ландшафт посерел, словно кто его посыпал пеплом. Началась полярная ночь. Она была первой и самой трудной в жизни колонии.

Морозы доходили до 60 °С. Жестокие беспрерывные метели, отсутствие солнца и

незнакомство с островом часто делали невозможными сколько-нибудь отдаленные поездки. Запасы мяса быстро стали таять. Собак начали кормить вареным рисом и потеряли их почти половину. Скоро начались заболевания и среди людей. В большей или меньшей степени переболела вся колония. С каждым днем настроение колонистов падало. 15 января 1927 г. крупн вырвал из среды колонистов первую жертву — умер самый опытный, преданный и энергичный эскимос Иерок.

Колонисты о. Врангеля на охоте.

Когда я вошел в юрту, Иерок лежал укутанный в меха и бредил. Вместо дыхания у него вырывалось хрипение; в груди клокотало. Он часто повторял: «Сыглагок... Сыглагок...». На минуту он пришел в сознание и, пытаясь протянуть руку, приветствовал меня:

— А, Умилек. Компания...

Но тут же начал бредить и приглашать меня на охоту. Потом спросил:

— А Таяну мы возьмем? — и забылся.

Я видел, что старик не перенесет этой болезни. Конец его близок. Больно сжалось сердце. Как в калейдоскопе, в моей памяти пронеслись моменты, проведенные с ним. Вспомнилось как он в темную бурную ночь, заставшую меня с Таяной и Анакулей на байдаре в бухте Роджерс, собрал всех охотников и отправился на поиски... Вспомнилась его маленькая приземистая фигура, освещенная светом костра, когда он стал на мою сторону и горячо выступал против суеверий своих сородичей... Яркими картинками пронеслись сцены на совместной охоте и длинные вечера в палатке, проведенные около сооруженной им же жировой лампы...

Всегда бодрый, веселый, смелый, готовый каждую минуту прийти на помощь товарищу и заражавший всех своей энергией, теперь он был больной и беспомощный.

Я терял человека, который понимал меня, был незаменимым товарищем, с которым крепко сроднили пять месяцев совместной жизни и борьбы.

С тяжелой болью я вышел из юрты.

У входа стоял Кив'яна. За последние дни он заметно похудел и загрустил.

— Плохо, плохо... — с надрывом проговорил этот великан.

Я знаю, что его гложет. Он боится не только за Иерока, но и за себя. Дело в том, что раньше, когда заходил разговор о расселении по острову, он всегда заявлял:

— Куда Иерок, туда и я.

Теперь старик на пути, пуститься по которому Кив'яне совсем не хочется. И суеверный страх давит его душу.

Побродив по берегу, я пошел домой и взял книгу. Но сегодня не читалось. На душе было неспокойно.

Около полуночи под окном проскрипели шаги и раздался стук в дверь. Я бросился к Павлову и, столкнувшись с ним в дверях, услышал:

— Иерок умер...

* * *

Иерока похоронили.

Я первый раз наблюдал похороны эскимоса.

На покойника надели будничную кухлянку, такие же штаны, торбаза, шапку и рукавицы. После этого тело положили на оленью шкуру и накрыли одеялом. Сверх одеяла вдоль тела был положен деревянный брус. Завернув концы постели и одеяла, тело вместе с брусом увязали тонким ремнем, оставив с каждой стороны по три петли. Теперь тело напоминало хорошо спеленутого ребенка, только головы не было видно, а ноги по щиколотку наружу.

Покойника положили на середину полога, и одна из дочерей умершего поставила на него деревянные блюда с вареным мясом. Все присутствующие сели вокруг, и началась прощальная трапеза. В заключение всем было налито над умершим по чашке чая, а на опустевшее блюдо, оставшееся на прежнем месте, насыпаны сухари.

По окончании чаепития тело ногами вперед вынесли из юрты, поддерживая за петли прикрепленные с боков. Сзади юрты стояла приготовленная нарта, но тело положили не на нее, а рядом — ногами к северу. Все присутствующие сели на снег. Ближе всех сел Таг'ю, руководящий похоронами. Я было остался стоять, но мне сделали знак, чтобы я сел.

Етуи стал у головы, Кмо у ног покойника, и оба взялись за торчащие концы бруса. Таг'ю и Аналько начали задавать покойнику вопросы, и мертвый... «заговорил». После каждого вопроса Етуи и Кмо приподнимали тело за брус. По понятиям эскимосов, если покойник дает утвердительный ответ, то легко поднимается, а когда он хочет сказать нет, тело становится тяжелым, и два человека с трудом поднимают его от земли. Говорили, что иногда покойник словно прирастает к земле, и его никакими силами не оторвешь.

Иерока спрашивали:

— Отчего ты умер? Не зашаманил ли кто-нибудь?

Етуи и Кмо, кажется, с великим трудом поднимают покойника, — значит «нет».

— Ты один пойдешь?

И прежним способом получается утвердительный ответ.

— А после тебя никто не умрет?

«Нет» — отвечает покойник.

— Будет ли у нас мясо?

«Да».

Навигация: Использовать фильтр:

«Да».

— Ты наверно пойдешь на землю, где похоронена твоя жена?

И последний ответ Иерока:

«Да».

Опрос окончен.

Тело положили на нарту ногами вперед. У изголовья поставили небольшой деревянный ящик с продуктами и снаряжением покойника. Впрягли собак, и процессия тронулась.

С боков нарты шли провожающие и держались за петли, делая вид, что покойника не собаки везут, а они несут на руках. Дорога шла в гору. Собаки часто останавливались. При каждой остановке люди тяжело произносили: «Эге-ге-ге-геей» («Охо-хо-хо»), — говоря этим покойнику, что они очень устали, почему и произошла задержка. Потом они, обходя вокруг нарты, обменивались местами и терлись о спеленутый труп кто плечом, кто грудью, кто поясницей, и стряхивали над ним свою одежду, передавая таким образом покойнику все свои недуги.

Во всей процессии не было ни одной эскимоски.

Достигнув места, выбранного для погребения, собак отстегнули от нарты, разгребли тонкий слой снега и на очищенное место положили тело.

Таг'ю ножом перерезал ремни, снял постель и одеяло, разрезал сначала торбаза, потом по очереди, штаны, рукавицы, кухлянку, шапку и все снял с покойника, оставив его совершенно голым.

У медвежьей шкуры.

В то же время остальные перерезали все ремни на нарте; переломили на несколько частей полозья, доски и вардины. Все эти обломки сложили в одну грудку и придавили камнями. Вся одежда, постель, одеяло и ремни, снятые с покойника, были также изрезаны на мелкие куски, сложены в две другие кучки и старательно придавлены камнями.

На мой вопрос: для чего ломаются вещи и закладываются камнями, эскимосы ответили:

— Если оставить все целым, то Иерок скоро соберется, возвратится в колонию и уведет еще кого-нибудь. А так, пока он все исправляет, да починяет — забудет дорогу и не придет. А закладываем вещи камнями для того, чтобы не было плохой погоды. Если вещи плохо придавлены и колеблются, то от их движений начинается сильный ветер, буря, снег и дождь.

Около головы покойника сделали небольшой круг из камней и в нем положили нож, чайник, чашку, напильник, точильный брусок, трубку, спички и кисет с табаком. Эти вещи также переломали и всячески старались привести их в негодное состояние. Сюда же были положены несколько сухарей, горсть сахара, кусок кирпичного чаю и по куску курительного и жевательного табаку. Оставшиеся чай, табак, сахар и сухари поделили между присутствующими.

После этого Таг'ю роздал всем по небольшому отрезку ремня, бывшего на покойнике. Получившие ремень завязали оба конца его ординарным узлом, пояснив, что это делается для того, чтобы наша жизнь не ушла за Иероком: через узлы она не может уйти.

Теперь меня попросили ехать вперед, так как начиналась особенно важная часть похорон — «закрывание» дороги, чтобы по этой дороге не вернулся покойник и не увел с собой еще кого-нибудь. Я был со своей упряжкой собак и не мог участвовать в этой части ритуала, в чем и сам убедился, со стороны наблюдая за «закрыванием» дороги.

Эскимосы, обойдя раз вокруг тела, направились к колонии. Впереди шел Таг'ю. Выйдя на след, где прошла нарта с покойником, эскимосы завернули назад и, сделав петлю, как бы завязав узел, продолжали путь. Но скоро сделали новую петлю. Так на расстоянии полутора километров было завязано пять узлов.

Вернувшись в колонию и не заходя в юрту, эскимосы вышли на лед. Здесь Таг'ю, а за ним и все остальные, несколько раз кувыркались и, покатавшись на гладкой поверхности льда, вернулись на берег. Тут эскимосы развели костер и долго встряхивали и выбивали над ним свои одежды. Похороны окончились, и участники разошлись по юртам.

Скрылись в своей юрте и дети Иерока. У них начались траурные дни. Траур продолжается пять суток (тальхлимат кавай — пять спать, как говорят эскимосы). В этот период никому не разрешается ни входить в юрту, ни выходить из нее. В юрте никто в течение пяти суток не раздевается. В дни траура категорически запрещается производить какую бы то ни было работу, а в особенности шить.

На мое удивление по поводу такого обычая Аналько рассказал следующую коротенькую легенду:

— После смерти одного эскимоса его жена, сидя в пологе и думая рассеять свое горе, взяла жилу, оленью шкуру и начала шить торбоза. Скоро совершенно гладкая и ровная жила, которой она шила, стала за что-то цепляться. Женщина часто осматривала жилу и не находила ни одного узла, ни одного утолщения. Но только лишь она начинала шить, как жила снова за что-то цеплялась. Словно кто-то держал ее. Наконец за пологом послышалась какая-то возня. Женщина окликнула и, не получив ответа, решила, что в кладовую забрались собаки. Она зажгла «анех-конь» и вышла в кладовую. Пламя «анех-конь» осветило пол, и там женщина увидела... труп своего схороненного мужа!.. Утром хоронили ее вместе с вернувшимся мужем, а торбоза так и остались недошитыми. Это было очень давно, но с тех пор «пять спать» после похорон не шьют не только в юрте умершего, но во всем селении, — закончил рассказчик.

Как ни странно, у меня после описанных похорон осталось такое впечатление, словно никто не умирал и никого не хоронили. Просто снарядили и проводили Иерока в далекий путь. И кажется, что Иерок увидит солнце, которое через несколько дней выйдет из-за горизонта и разукрасит в голубые и нежно-розовые цвета пепельно-серую картину полярной ночи, мириадами драгоценных камней украсит бесконечные ледяные поля, приведет нежно золотистых медведей и стада жирных глуповатых моржей...

Как страстно старик ждал этого времени! Сколько он возлагал на него надежд!

VIII. Борьба с Тugnaком.

По пословице «одна беда ведет другую», вскоре после смерти Иерока умер один из новорожденных ребят. Положение с мясом не улучшалось. Многие болели. Все это привело крайне суеверных эскимосов к мысли, что на о. Врангеля живет очень злой чорт, который не желает, чтобы на его земле жили люди.

«Тugnaк» (чорт, злой дух) умный, хитрый, изворотливый. Он мешал охоте на зверя и делает плохую погоду, то-есть лишает эскимоса единственного источника жизни. Мало того Тugnaк, как уже было сказано, похищает тень человека, вселяется сам в него, приносит болезнь и, наконец, смерть. Бороться с ним могут только шаманы, и то не всегда. Обыкновенный человек бессилен и старается сохранить с ним хорошие приятельские отношения и всячески ублажить этого врага жертвами. Он угощает Тugnaка самыми ценными продуктами: табаком, сахаром, чаем, жиром и т. д.

После каждого вопроса Етуи и Кмо приподнимали тело за брусок.

Во время поездки с Аналько на северную сторону острова мне удалось наблюдать, как Аналько устанавливал добрососедские отношения с чортом — хозяином этой части острова. Рано утром Аналько вышел из палатки. Он захватил с собой сахар, чай, табак, хлеб и другие продукты. Сев на землю, эскимос повел следующую речь:

— Ну, здравствуй Тugnaк! Вот я, Аналько, приехал на эту землю. Начальник дал мне много товаров: табак, чай, сахар, муку, макароны... Вот на, попробуй. Я, Аналько, тебя угощаю. Вот сахар, вот чай, здесь табак, вот хлеб из муки. Кушай, кушай. Кури табак. Будем жить дружно. Ты мне давай медведей, песцов, моржей, лахтаков, нерп. Кушай, кушай. Товаров много. Кури...

Во время этого монолога Аналько крошил продукты и разбрасывал вокруг себя.

Но есть вещи, которыми иногда можно и отпугнуть чорта. Так, например, некоторые выливают вокруг юрты остатки перегоревшего в лампе жира. Этого не любит Тugnaк. Но особенно не любит он, когда бьют в надутый пок.

Однажды, ночуя у Ан'ялека в бухте Сомнительной, я был разбужен громкими криками и глухими ударами. Выйдя из юрты и не найдя никого, я зашел в стоящую рядом юрту Пали и там узнал следующее. Хозяин юрты и ночевавший у него мой спутник Павлов собрались уже лечь спать, когда услышали лай собак. Паля, думая, что пришел медведь, вышел с винчестером, но ничего не обнаружил. А собаки продолжали лаять. Тогда он пригласил с собой Павлова, дошел до вельбота, взял пок (тюленья шкура, надутая воздухом) и начал бить в него и кричать. Оказывается он думал, что около юрт бродит Тugnaк, и решил отпугнуть его. Собаки скоро успокоились, и Паля заключил, что Тugnaк достаточно напуган шумом и ушел.

Врангелевский Тugnaк, по мнению эскимосов, был особенно злым и хитрым. Он был мастером на все руки. Доходило дело до того, что эскимосы не всегда решались в темноте пройти триста метров между их юртами и нашим домом. На мой вопрос, почему они не боятся ездить на охоту со мной, они отвечали: «Ты большевик, а большевика и чорт боится». Но я в это время сам лежал больным и не мог выехать с охотниками. Никакие убеждения не помогали. Чорт крепко сидел в сознании эскимосов, и результаты пропаганды могли сказаться только в самом неопределенном будущем. А положение колонии не давало отсрочек. Надо было одним ударом сбить чорта с его позиций. Помогли медведи.

Оправившись от болезни, я выехал на северную сторону, где, по мнению эскимосов, был штаб-квартира чорта, и на мое счастье убил медведя. Это был удар чорту. Охотники решили, что он уже не так силен, как они думали, и потянулись на охоту. Снова удача. Снова мясо и шкуры. Эскимосы повеселели. Упадочное настроение окончилось. Положение колонии было спасено.

Подошедшая весна и с каждым днем улучшающаяся охота окончательно оздоровили колонию.

IX. Колония за работой.

Теперь задача сводилась к тому, чтобы не допустить подобных условий при следующих зимовках. Вступая в зимовку, нужно было совершенно обеспечить колонию мясом. Но это не совсем легко было сделать в наших условиях.

Моржа здесь, как уже было сказано, огромное количество, но зимой его нет. Лето же слишком коротко. А туманы и штормовые дни ограничивают сезон охоты на моржа одним месяцем. За этот месяц надо заготовить мяса на остальные одиннадцать месяцев. Беспечность эскимосов, малочисленность охотников и тихходность имевшихся в нашем распоряжении вельботов и байдар очень усложняли заготовку мяса. Поэтому все силы в летний период бросались на моржовую охоту. Сотрудники фактории наравне с охотниками были заняты добычей мяса. Зато вторую и третью зимовки колония провела вполне благополучно и проделала большую работу по сбору материалов, характеризующих

природные условия острова.

К таким материалам нужно отнести, во-первых, метеорологические наблюдения. Ведение их было возложено на врача фактории Н. П. Савенко. Он регулярно проводил их в течение всех трех лет.

Мною за время пребывания на острове собраны коллекции по фауне, флоре, геологии и палеонтологии острова и проведена маршрутная съемка побережья острова. В этих работах неоценимые услуги оказал мне второй сотрудник фактории И. П. Павлов. Часто помогали в работе и эскимосы. Правда, побуждения их были не всегда одинаковы. Птиц они приносили мне, в большинстве случаев имея в виду обещанную плату.

Увидев, что я собираю растения, при чем беру их обязательно с цветами, эскимосы решили, что эти цветы будут увезены в Москву, там их посмотрят, срисуют, сделают с такими рисунками ситцы и пришлют на Чукотку и о. Врангеля. Поэтому все, и особенно женщины и девушки, заботливо приносили каждый, вновь замеченный цветок и показывали место, где он был найден. Это значительно облегчало работу. Позднее я рассказал им цель сборов, но им работа настолько понравилась, что они продолжали приносить мне цветы, требуя иногда в награду показать, как выглядят засушенные растения в моем гербарии на белом листе бумаги.

Самой трудной была работа по съемке. Она была закончена весной 1928 года, после двадцативосьмидневной поездки на собаках при лютых морозах. Еще осенью 1927 года была сделана попытка нанести остров на карту. Но эта первая попытка не дала никаких результатов. Выехав на работу с т. Павловым 8 октября, я попал в полосу жестких метелей и туманов. Из двадцати шести дней пути было только два с половиной дня, в которые можно было вести работу. Все же остальное время по трое и четверо суток завывали метели державшие нас в палатке. Всю силу свирепствующих здесь метелей ясно может представить только человек, испытавший эту прелесть на себе.

Х. Поездка по острову.

Середина марта. Ясное утро. Легкий юго-восточный ветерок. Сильный мороз.

Наши сборы недолги. Нарты увязаны накануне. Запрягаем собак — и в путь. Со мной Анакуля, Етун, Аналько, Нноко и жены двух последних — Махшук и Тыманаун.

Цель поездки — пересечь остров и оставить на северной стороне Аналько и Нноко с женами. Они будут первыми поселенцами на северном берегу.

У нас три упряжки собак. На каждую собаку приходится около 30 килограммов груза. Они сильно исхудали за полярную ночь. Все же, несмотря на это, без особого труда тащат нарты.

Но не отъехали мы еще и десяти километров от колонии, как движение начало замедляться. Через час после отъезда ветер перешел на восточный, а еще через полчаса начался встречный норд.

Даль затуманилась. Под ногами закурился снег. Навстречу текут миниатюрные снежные ручейки. Они заметно растут. Слово пар, все выше и выше подымается над ними мельчайшая снежная пыль. Налицо все признаки начинающейся метели.

Отсылаю обратно Аналько с женщинами, а с остальными, продолжаю путь, решив, если удастся, завезти сначала продукты и снаряжение. Полчаса еще продвигаемся сравнительно легко. Но ручейки снежной пыли все растут, соединяются. Снежную пыль несет уже на высоте метра. Собаки начинают останавливаться. Ветер крепнет с каждой минутой. Скоро начинается настоящий ад. Ветер поднял снежную пыль до 10 метров и, словно взбесившись, бросает ее в лицо. Почти невидимые кристаллики снега бьют с такой силой, что скоро мучительная боль начинает сводить все лицо. Анакулина нарта идет в пятнадцати метрах позади моей, а я различаю только ее силуэт. Третьей нарты совсем не видно. Чтобы не растерять спутников, останавливаюсь и все три нарты связываю общим ремнем. Вверх просвечивает голубое небо. Может быть метель стихнет? Вперед!

Лицо перестало чувствовать удары снега. На нем сплошная ледяная маска. Чувствую, как легкие наполняются влагой. Дышать трудно. Дыхание парализуется. В изнеможении бросаюсь на нарту. И вдруг... чудо! Еле волочившаяся нарта, словно птица, понеслась вперед. Мелькает мысль: «Собаки подхватили — значит медведь». Сдергиваю с плеч винчестер. А нарта летит — в ушах резкий свист, голова кружится... Всем телом наваливаюсь на тормоз. И... новое чудо! Никакого сопротивления. Срываю с лица снежнук маску и гляжу на собак. Видно только ближайших. Они лежат, свернувшись клубком и уже наполовину занесены снегом. У нарты замело полозья. Я понял, что собаки давно остановились. Снежная пыль несется навстречу сплошной массой и создает полную иллюзию бешеной гонки. Анакулины собаки также спокойно лежат за моей нартой, а ездок, как и я, не замечает остановки...

Он сидит на нарте спиной к ветру и громко выкрикивает обычное понукание: «Эк, эк!» Бегу к третьей нарте — та же картина. Етуи и Нюко также спокойно подставляют спины под ветер и покрикивают на собак. Даже в их позах сказывается твердая уверенность в движении нарты.

Мой смех выводит их из заблуждения. Иду к своим собакам. На их мордах ледяная корка в палец толщиной. Снимаю с них маски. Бедняги взвизгивают, лижут руки, прыгают мне на грудь и снова, свернувшись клубком, ложатся на снег.

Делаю еще одну попытку двинуться вперед, но уже через сотню метров собаки опять тычутся мордами в снег, тщетно желая избавиться от новой ледяной корки. Они перестают слушать команду и бросаются из стороны в сторону, пытаюсь спрятаться от снежного потока. Наконец вся упряжка как по команде поворачивает назад и, чуть не перевернув нарту мчится по ветру. Все усилия повернуть — бесполезны. Надо возвращаться. Сбрасываем груз и на пустых нартах мчимся вместе с ветром. А он ревет, будто опьяненный победой, и гонит нам вслед тучи снежной пыли.

Досаднее всего то, что это происходит при ясном лазурном небе. Ни одной тучки, ни одного намека на облачко. Бездонный нежно-голубой купол и яркое солнце. Это вверх. А внизу — на высоте десяти метров над землей — свист ветра, сплошная масса несущегося снега...

Через полтора часа подъезжаем к колонии... Ясное небо, еле заметный северо-западный ветерок и... никакой метели!

* * *

На следующий день я опять собираю эскимосов и отправляюсь в путь. Чтобы облегчить нагрузку, снаряжаю еще одну нарту. Тихо. Мороз еще сильнее вчерашнего. Почти все время бежим рядом с нартами. Женщины не могут долго бежать, больше сидят, сжавшись, на нартах и изрядно мерзнут.

До четырех часов двигаемся без приключений. Только изредка останавливаемся, чтобы дать передохнуть собакам и покрыть новым льдом полозья нарты. Для последней операции у каждого из нас за пазухой бутылка с водой и на санях небольшой кусок медвежьей шкуры или как мы ее называем — «войда». Мы выливаем на войду воду и быстро проводим ею по полозу. Тоненькая, блестящая корочка льда крепко пристает к нему. Трудность этой операции заключается в том, что работу надо произвести на сильном морозе голыми руками, а искусство в том, чтобы наложить лед на полоз ровным и тонким слоем. В тех местах, где слой льда трех четвертей миллиметра, он тут же трескается и осыпается, и труд пропадает. Зато, если операция проведена умело, нарта скользит необычайно легко. Поэтому стоит рискнуть вынуть руки из теплой рукавицы.

В четыре часа ставим палатку и закусываем. Наше меню не изысканно: сырое мерзлое моржовое мясо с кусочками сала, сухари и чай с консервированным молоком. Молоко тоже мерзлое и твердое, как камень. Мы топором разрубаем банку пополам и одну половину вместе с жестью бросаем в чайник, а другую засовываем в мешок — не расплещется

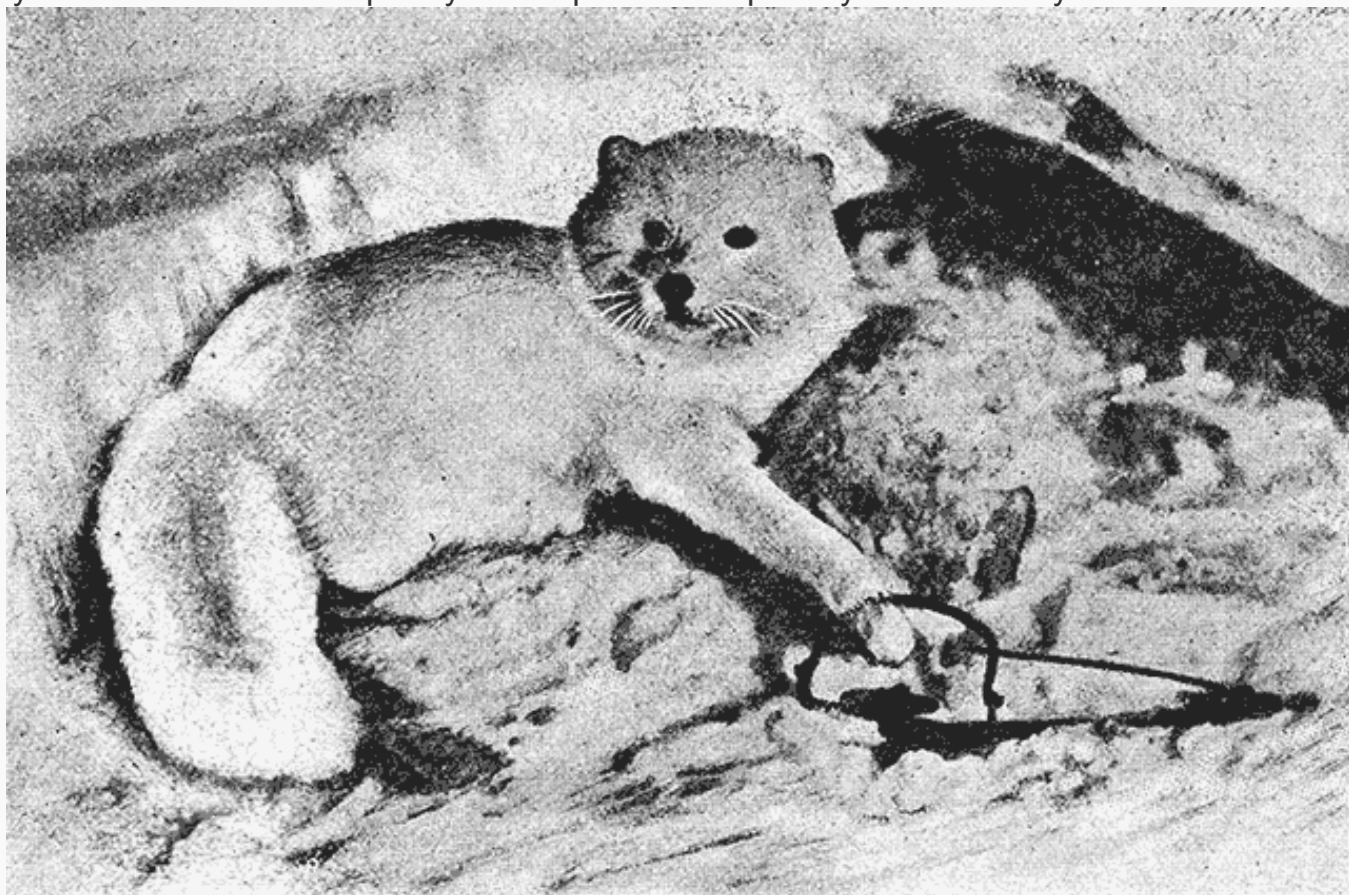
Намерзшиеся эскимоски вплотную прижались к шумящему примусу и жадно глотают кипяток. Я голыми руками держу горячую железную кружку и чувствую, как теплота из рук разливается по всему телу. Милая кружка! Какое счастье держать тебя в руках и чувствовать твою теплоту!

Однако пора трогаться. Палатка начинает колебаться. Потянул западный ветерок. Уже появляются снежные ручейки. Умудренный вчерашним опытом, я залпом проглатываю кипяток, бросаю кружку в мешок и тороплю эскимосов. В путь! Пока не разыгралась метель, нам надо добраться до Медвежьего перевала. Путь к нему лежит как раз между южным и северным горными хребтами. Перевал от нас в двух часах пути. Но эти два часа обходятся нам дороже всего дня. Ветер усиливается. Ручейки расширились, поднялись и заняли весь проход между хребтами. Долина преобразилась. На западе за горизонт опускается огромный красный шар солнца. Вернее не шар, а сфероид — кто-то взял и сплюснул солнце. Весь запад горит. Загорается снег, загораются снежные ручьи и пыль над ними.словно вся долина оказалась залитой расплавленным металлом, бурно стекающим по склону. От потока подымается ярко-красный пар. А на горизонте густофиолетовой массой высится пик Берри и окружающие его вершины.

Огромный «пожар» снежных полей приковывает взгляд. Он одновременно и восхищает и давит мощностью. Эскимосы, обычно равнодушные к красоте природы, сейчас не отрывают взгляда от курящихся красных потоков. Етуи возбужденно кричит:

— Пинепихток! (Очень хорошо!)

Но пожар не греет. Он жутко холоден. Холодный ветер чувствуется сквозь двойную меховую одежду. Мех малахая вокруг лица от дыхания и снежной пыли превратился в ледяное кольцо. Руки и лицо потеряли чувствительность. Горло болит от постоянного понукания собак. Вместо крика у нас вырывается хрип. Путь кажется мучительным.

Песец, попавший в капкан.

Уже стемнело когда мы въехали на перевал и сделали остановку на ночлег. Здесь ветер

менее чувствителен, но мороз тот же. Собаки зябнут и жалобно повизгивают. Снег так тверд что все их старания сделать себе постель ни к чему не приводят. Мой передовик «Фрам» огорченный неудачей, садится на задние лапы, подымает вверх морду и начинает жалобно выть. Через минуту к нему присоединяется «Кудлан», за ним «Блошка» и скоро вся стая Вынимаем ножи и подходим к беднякам. Они уже знают, что мы собираемся делать и словно по команде умолкают. Вырезаем куски крепкого снега и утаптываем образовавшиеся ямки. Собаки свертываются калачиком, ложатся в ямы и старательно прикрывают лапы и носы пушистыми хвостами. Теперь им будет тепло.

Для себя мы раскидываем палатку. Снежный пол ее устилаем оленьими шкурами и на них ложимся в спальных мешках. Усталость берет свое, и мы скоро засыпаем. Ночью я просыпаюсь от страшной боли в ногах. Они замерзли. Сегодня не спасает и теплый спальный мешок. За палаткой слышны быстрые шаги. Это греется Етуи. Он бросил мешок и бегае́т вокруг палатки. Нноко примостился в углу и старается разжечь примус. Женщины тоже не спят. Я бросаю мешок, набиваю чайник снегом и подаю Нноко. Надо заработать кружку спасительного кипятку.

* * *

— Скучали ли вы?

Теперь мне часто задают этот вопрос. Обычно я на него отвечаю:

— Да, скучаю. Скучаю по острову, по моим спутникам эскимосам, по моей упряжке собак по метелям.

В этом году мы, видя состояние льдов, не ждали парохода и готовились к четвертой зимовке. «Литке», буквально продравшись сквозь стену льдов, разбил наши планы. Как забились наши сердца, когда мы увидели ледорез. Ведь это был первый пароход за три года. В 1927 г. два аэроплана доставили нам годовой комплект «Правды» и несколько писем, и после этого в течение двух лет мы снова не видели ни одного человека вплоть до прилета гидроплана перед приходом «Литке». Несколько десятков человек, стоявших на борту корабля, показались нам огромной толпой. Непонятные, новые для нас слова, целые фразы и незнакомые имена наполняли речи прибывших товарищей: пятилетка, соцсоревнование, уклончик, зажим самокритики, районы полной коллективизации, Нобиле, Чухновский и т. д. и т. д.

Самым понятным местом в газете была четвертая страница — объявления. Все это интриговало, манило. Хотелось скорее попасть на материк, окунуться в шум городов, услышать новые лозунги революции, уловить новые темпы жизни, скорее оставить остров.

Но вот наступил день отъезда. Прогудел гудок. Надо прощаться. До боли сжимаются руки. Еще больнее на сердце. Три года борьбы рука об руку. Три года морозов, метелей и льдов. Общие неудачи и радости сроднили, спаяли нас в одну семью...

«Литке» дал ход. Скрывается в тумане наш домик. Бледнеют очертания берега. Мы уходим от острова. Не раз за три года у каждого из нас срывались проклятия по его адресу. А теперь мы почувствовали как крепко сжились с ним, с его суровой природой, с его метелями.

Скучали ли мы?

Во-первых, почти все мы были охотники. А какой охотник скучает, если у него под носом всегда имеется зверь! Мы боролись за свою жизнь, за существование колонии, за красный флаг над островом. А разве можно скучать в борьбе? Разве можно скучать, имея перед глазами суровую красоту арктики? Какая из наших иллюминаций сравняется с полярным сиянием, которое запечатлелось в нашей памяти, как улыбка на суровом лице арктики.

XI. Улыбка арктики.

Еще в детстве я увлекался отчетами арктических экспедиций и дневниками полярных исследователей. В них всегда меня поражали, захватывали, увлекали и манили две стороны. Во-первых, то невероятное, нечеловеческое напряжение нравственных и физических сил человека, то упорство, с которым он шаг за шагом отвоевывал ледяные пространства. И во вторых, то спокойствие, с которым арктика встречала гордеца-человека, в свою очередь вырывая у него одну жертву за другой. Ярко нарисованные картины полярных сияний почему-то уже тогда ассоциировались у меня с безмолвными улыбками строгого и загадочного, как у сфинкса, лица арктики. Рисовалось, что с этой улыбкой она спокойно принимает удары человека и заманивает его все дальше и дальше в свои ледяные объятия. Увидеть эту улыбку стало моей мечтой,

Перешагнув полярный круг, я с нетерпением ждал этого феерического явления, и при первом сообщении о его признаках, вылетел из комнаты. Резкий ветер ударил мне в лицо когда я невольно повернулся к северу. Но север был чист. Только звезды ярко блеснули на темном бархате неба. На западе я увидел два гигантских луча, выходящих из-за горизонта и простиравшихся на четверть небесного свода. У основания цвет их был молочно-белый и резко выделялся на небосклоне. По мере удаления от горизонта свет постепенно бледнел и наконец рассеивался совершенно. Форма лучей резко напоминала старинные китайские двуручные мечи. Просвечивающие сквозь них звезды создавали впечатление, что какой-то искусный мастер затейливо украсил их бриллиантами. Как замороженный наблюдал я за этими фантастически-гигантскими мечами. Невидимая рука время от времени приводила их в движение, заставляя то удаляться друг от друга, то снова сближаться. словно кто-то выравнивал их.

Весь занавес горит, искрится и переливается.

Скоро мне показалось, что вокруг стало значительно светлее. Инстинктивно я стал искать источник света. Прямо на востоке щель, образованная темными облаками, горела ярким желтым светом. Не успел я задержать здесь взгляда, как из-за облака несколькими градусами выше светящейся щели выбросило целый сноп лучей, напоминающий полуразвернутый веер. Нежнейшие малиновый, желтый, зеленый и пурпуровый цвета раскрашивали веер. Лучи каждое мгновение меняли свою окраску. Тот, что за секунду перед тем был малиновым, сейчас горел пурпуром, а через мгновение нежным желтым переходящим в свою очередь в фосфорическо-зеленый. Почти четверть часа продолжалась эта непередаваемая по красоте игра красок. Лучи несколько раз вытягивались и почти доходили до зенита, потом падали в южную часть небосвода и снова сильно укорачивались. Наконец окраска их стала сильно бледнеть. Они теснее придвинулись друг к другу. Веер закрылся и через несколько минут превратился в большое белое страусовое перо, красиво завернувшееся к югу. Вслед за ним из того же основания выросло новое такое же перо и легло параллельно первому. Оба они слегка колебались, незначительно удлинялись и снова

сокращались.

Пока я наблюдал восток, на западе сказочные мечи оторвались от горизонта преобразились в три узкие бледные полосы и неподвижно висели на небосклоне. Внутри их также не было заметно никакого движения.

Казалось, что силы, только-что так фантастично украшавшие небо, иссякли и теперь остались на небе от прежней феерической картины только бледные мазки.

Я посмотрел на часы. Было ровно десять. Как незаметно прошел час! Легкую суконную куртку свежий норд пронизывал насквозь. Только теперь я почувствовал холод. На небе перемен не было. Продрогший, но радостный и возбужденный «улыбкой арктики», я пошел в дом. Но уютная, теплая комната казалась тесной и душной. Раскрытые книги не тянули к себе. Озноб скоро прошел, и я, одевшись в меха, через десять минут был снова наружу.

«Страусовых перьев» уже не было. Через зенит с востока на запад тянулась широкая светлая полоса. Оба ее конца рассеивались не доходя до горизонта. Внимательно рассматривая полосу, я заметил в ней слабое движение. Было похоже, что с запада на восток вдоль дуги сияния проносится пелена тончайшего тумана.

Но мне недолго пришлось наблюдать за этой полосой. Не больше как в пять минут небо снова преобразилось. Теперь заговорил сам север. Сначала здесь из-за горизонта всплыло маленькое светлое облачко. Оно тихо поднялось градусов на 25 над горизонтом и остановилось. Проходит минута, другая, а облачко без изменения. Вдруг оно сильно увеличилось и скоро начало вытягиваться в длину. Облачка как не бывало, а вместо него — узкая лента, захватившая весь северный сектор. Она долго извивалась точно змея и наконец приняла форму горизонтально лежащей буквы S. Один конец буквы полуразвернут, а другой наоборот — круто завернулся внутрь. Вот опять перемена. Круто завернутый конец вспыхнул ярким малиновым светом. Секунда — и малиновый свет быстро-быстро побежал вдоль буквы. На его месте вспыхнул пурпур и понесся по тому же пути. Желтый... Зеленый... Между ними — непередаваемые по разнообразию и красоте оттенки.

Концы буквы S развернулись. Теперь это грандиозный сказочный занавес. Он быстро-быстро колеблется. Мягко очерченные складки бегут от одного к другому. Они то разглаживаются, то сбиваются в одно место. Весь занавес горит, искрится и переливается.

Север словно вдохнул новые силы в бледную полосу неподвижно тянущуюся через зенит. Она сгустилась в ленту, слегка зарумянилась и как загипнотизированная начала медленно подвигаться к занавесу. Последний также медленно возвращается к северу, теряет свои окраски и скоро совершенно рассеивается. Лента, заняв его место, ярко вспыхивает, развертывается в еще более эффектный занавес, но задерживается недолго. Север ее тянет к себе. Она превращается в правильную дугу, упирается концами в горизонт, бледнее и замирает. Часть небосклона, заключенная в дугу, потемнела и кажется темно-синим бархатом. Звезды как будто стали ближе и ярко горят ровным светом...

Часы показывали половину двенадцатого. В полночь я снова вышел из дома. Дуга занимала то же положение, только вершина ее ниже опустилась над горизонтом и вся она еще более побледнела. Небо, заключенное в нее, потеряло прежнюю ярко выраженную темную окраску.

Силы иссякли. Сияние кончилось.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Г. А. УШАКОВ — КРАСНОЗНАМЕНЕЦ. Энергичная работа Георгия Алексеевича Ушакова по освоению заброшенных на крайний восток, в студеные воды Полярного моря, островов Врангеля и Геральд, создание там селений в исключительно тяжелых арктических условиях — большая культурная работа, проведенная Георгием Алексеевичем среди селенцев-эскимосов, его научные заслуги, выразившиеся в изучении проблем навигации и жизни за Беринговым проливом — все эти причины побудили

правительство РСФСР наградить тов. Ушакова орденом Красного трудового знамени. 20 января на заседании Президиума ВЦИК это решение было проведено в жизнь.

**Степь пробуждается.
Рассказ Михаила Ковлева.**